

AKTUAR MOLIYA VA BUXGALTERIYA HISOBI ILMIY JURNALI

Vol. 6 Issue 10 | pp. 148-156 | ISSN: 2181-1865

Available online <https://finance.tsue.uz/index.php/afa>

ДВУХРЕЖИМНЫЙ СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ ПОТРЕБНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РЕЗЕРВАХ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ КАК ПАРАМЕТР ПОЛИТИКИ И КОНТРИЦИКЛИЧЕСКИЙ БУФЕР

Ю Вей

Самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного экономического университета

E-mail: wuwei@126.com

Аннотация. Банки Узбекистана резервируют кредитный риск и по пруденциальным нормативам, и по ожидаемым кредитным убыткам МСФО (IFRS) 9, а прогнозы и стресс-тесты охватывают лишь один режим. Предложен двухрежимный блок сценарной оценки: калиброванное уравнение доли проблемных кредитов (ретроспективная ошибка 4,7 % с поправкой на разовую расчистку) и параллельный расчёт потребности в резервах по пруденциальным нормативам (взвешенное покрытие 47,3 %) и по МСФО 9 (доля стадии 3 × покрытие ECL). Отношение стадии 3 к проблемным кредитам к введено как параметр политики с пороговым значением и мультипликатором. В базовом сценарии снижение к с 1,86 до 1,30 сокращает разрыв покрытия 2028 г. с 14,2 до 5,5 трлн сумов; в пессимистическом разрыв достигает 19,5 трлн сумов. Взвешенная по вероятностям сценариев потребность задаёт контрициклический буфер резервов в 0,26 % кредитного портфеля.

Ключевые слова: потребность в резервах; сценарный прогноз; МСФО (IFRS) 9; проблемные кредиты; классификационный коэффициент; контрициклический буфер; стресс-тестирование.

Annotatsiya. O'zbekiston banklari kredit riskini prudensial me'yorlar va IFRS 9 kutilayotgan kredit zararlari bo'yicha xaxiralaydi, prognozlar va stress-testlar esa faqat bitta rejimni qamraydi. Maqolada ikki rejimli ssenariy baholash bloki taklif etilgan: muammoli kreditlar ulushining kalibrlangan tenglamasi (bir martalik tozalanish hisobga olinganda retrospektiv xato 4,7 foiz) hamda xaxiraga ehtiyojni prudensial rejimda (47,3 foizli me'yoriy tortilgan qoplash) va IFRS 9 bo'yicha (Stage 3 ulushi × ECL qoplash) parallel hisoblash. Stage 3 ning muammoli kreditlarga nisbati k chegaraviy qiymat va multiplikatorga ega siyosat parametri sifatida kiritilgan. Bazaviy ssenariyda k ning 1,86 dan 1,30 gacha pasayishi 2028-yildagi qoplash bo'shlig'ini 14,2 dan 5,5 trln so'mgacha qisqartiradi; pessimistik ssenariyda bo'shliq 19,5 trln so'mga yetadi. Ssenariylar ehtimollari bilan tortilgan ehtiyoj kredit portfelining 0,26 foizi miqdoridagi kontrsiklik xaxira buferini belgilaydi.

Kalit so'zlar: xaxiraga ehtiyoj; ssenariy prognozi; IFRS 9; muammoli kreditlar; tasnif koeffitsiyenti; kontrsiklik bufer; stress-test.

Abstract. Banks in Uzbekistan provision for credit risk under both prudential rates and IFRS 9 expected credit losses, whereas forecasts and stress tests cover only one regime. The article proposes a dual-regime scenario block: a calibrated equation for the non-performing loan ratio (in-sample error of 4.7% after adjusting for a one-off clean-up) and a parallel computation of reserve needs under the prudential regime (normative weighted coverage of 47.3%) and under IFRS 9 (Stage 3 share $\times$ ECL coverage). The ratio of Stage 3 loans to NPLs, κ , enters as a policy parameter with a threshold value and a multiplier. In the baseline scenario, lowering κ from 1.86 to 1.30 narrows the 2028 coverage gap from UZS 14.2 to 5.5 trillion; in the adverse scenario the gap reaches UZS 19.5 trillion. The probability-weighted reserve need implies a countercyclical reserve buffer of 0.26% of the loan portfolio.

Keywords: reserve needs; scenario forecasting; IFRS 9; non-performing loans; classification ratio; countercyclical buffer; stress testing.

ВВЕДЕНИЕ

После расчистки 2025 г., когда доля проблемных кредитов банков Узбекистана снизилась с 3,97 до 2,99 % (Bankers.uz, 2026a), к 1 июня 2026 г. она выросла до 3,71 % (Bankers.uz, 2026b). Вопрос о резервах смещается от оценки на отчётную дату к прогнозу. Масштаб возможных потерь показывает макростресс-тест Центрального банка: в неблагоприятном сценарии достаточность основного капитала I уровня и совокупного регулятивного капитала к концу 2027 г. может снизиться до 5,6 и 8,1 % (Центральный банк Республики Узбекистан [ЦБ РУз], 2025а, с. 3–4).

Прогноз осложняет двойственность резервирования: пруденциальные резервы начисляются по фиксированным ставкам к категориям качества (Положение № 2696, 2015), бухгалтерские - по ожидаемым кредитным убыткам (ECL) стадий МСФО (IFRS) 9, и режимы опираются на разные множества проблемных активов. На декабрь 2023 г. кредиты стадии 3 составляли 7,8 % портфеля при 4,2 % пруденциально проблемных (International Monetary Fund & World Bank, 2025, р. 9). С 1 января 2027 г. вводится новое положение о классификации с критериями маловероятности погашения (Положение № 3937, 2026), и соотношение двух множеств становится предметом регулирования.

Прогнозы проблемных кредитов и стресс-тесты оценивают потери в одном режиме и не показывают, как сближение определений изменит разрыв между режимами. Цель статьи - разработать двухрежимный блок сценарной оценки потребности в резервах, в котором отношение стадии 3 к проблемным кредитам служит параметром политики, и определить на его основе контрциклический буфер резервов на 2026–2028 гг.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Прогнозная часть опирается на исследования детерминант проблемных кредитов. D.P. Louzis, A.T. Vouldis и V.L. Metaxas показали, что в Греции проблемные кредиты объясняются прежде всего ростом ВВП, безработицей, процентными ставками и качеством управления (Louzis et al., 2012). N. Klein для стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы установил, что проблемные кредиты растут с безработицей, инфляцией и обесценением валюты и сами тормозят восстановление (Klein, 2013). D. Foos, L. Norden и M. Weber

обнаружили, что быстрый рост кредитов повышает резервы на потери в течение трёх последующих лет (Foos et al., 2010), - отсюда лаговый эффект кредитного бума.

J. Abad и J. Suarez показали, что резервы по ожидаемым убыткам скачкообразно растут в начале спада (Abad & Suarez, 2018), поэтому процикличность требует буфера, накопленного до спада. Такой буфер известен по испанскому динамическому резервированию: G. Jiménez и соавторы доказали, что резервы, накопленные в подъёме, поддержали кредитование фирм в кризис (Jiménez et al., 2017). Сценарии стресс-тестов, по требованию Базельского комитета, должны быть достаточно жёсткими, но правдоподобными (Basel Committee on Banking Supervision, 2018, principle 4). Ориентиром для соотношения режимов служит ЕС, где учётное и регуляторное определения дефолта хорошо согласованы (European Banking Authority, 2021), что предполагает отношение стадии 3 к неработающим экспозициям около единицы.

В исследованиях по Узбекистану прогноз качества активов ограничен данными: А.А. Omonov, В.В. Izbosarov и Е.К. Ghani из-за отсутствия рядов проблемных кредитов измеряли качество активов отношением чистой прибыли к активам, взвешенным по риску (Omonov et al., 2026), а стресс-тест ЦБ показывает совокупное влияние рисков на капитал, не выделяя расхождение режимов резервирования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Блок включает три звена. Первое - калиброванная годовая форма динамической спецификации доли проблемных кредитов (Louzis et al., 2012; Klein, 2013):

$$npl_t = npl_{t-1} + a \cdot (6,5 - g_t) + b \cdot (\Delta cred_{t-1} - 13) + d \cdot (\pi_t - 8) + D_t \quad (1)$$

где npl - доля проблемных кредитов, %; g - рост реального ВВП, %; $\Delta cred_{t-1}$ - рост кредитов в предыдущем году, %; π - инфляция на конец года, %; D_t - поправка на разовые институциональные события, п.п.; 6,5, 13 и 8 % - долгосрочный рост, «нормальный» рост кредитов и инфляция переходного периода. Пять годовых наблюдений не позволяют оценить модель эконометрически, поэтому коэффициенты $a = 0,30$, $b = 0,06$ и $d = 0,05$ калиброваны по знакам эффектов в литературе и направлению изменений 2022–2025 гг., которые при устойчивом росте ВВП определялись созреванием кредитного бума и институциональными событиями; коэффициент при лаге равен единице.

Второе звено рассчитывает потребность в резервах одновременно в двух режимах:

$$R_t^{prud} = L_t \cdot npl_t \cdot c_{npl}, \quad R_t^{ifrs} = L_t \cdot \kappa_t \cdot npl_t \cdot c_3 \quad (2)$$

где L - валовые кредиты; c_{npl} - пруденциальное покрытие проблемных кредитов; κ - отношение доли стадии 3 к доле проблемных кредитов (1,86 на декабрь 2023 г.); c_3 - покрытие стадии 3 резервом ECL. В узком периметре $c_{npl} = 47,3\%$ - нормативная ставка специальных резервов, взвешенная по структуре проблемных кредитов на 01.01.2025: $0,47 \cdot 25 + 0,35 \cdot 50 + 0,18 \cdot 100$ (ЦБ РУз, 2025а, с. 37); в смешанном - 85 %, наблюдаемое отношение всех пруденциальных резервов к проблемным

кредитам (ЦБ РУз, 2024). Покрытие c_3 по системе не раскрывается и задаётся на уровне 50 % (40–60 % в проверке).

Разрыв покрытия - разность двух потребностей - равен

$$G_t = R_t^{\text{ifrs}} - R_t^{\text{prud}} = L_t \cdot \text{npl}_t \cdot (\kappa_t \cdot c_3 - c_{\text{npl}}) \quad (3)$$

Отсюда следуют пороговое значение κ^* , выше которого разрыв положителен, и мультипликатор - чувствительность разрыва к κ :

$$\kappa^* = \frac{c_{\text{npl}}}{c_3}, \quad \frac{\partial G_t}{\partial \kappa_t} = L_t \cdot \text{npl}_t \cdot c_3 \quad (4)$$

При $c_3 = 50\%$ порог равен 0,95 в узком и 1,70 в смешанном периметре. Поскольку κ зависит от правил классификации, его траектория не экстраполируется, а задаётся графиком мер: 1,70 в 2026 г. (после расчистки 2025 г.), 1,50 в 2027 г. (новое положение о классификации) и 1,30 в 2028 г. (квартальное раскрытие стадий МСФО 9 и пруденциальный фильтр, при котором резерв по проблемному активу равен большему из норматива и ECL).

Третье звено - буфер: потребность в совокупных пруденциальных резервах ($c_{\text{npl}} = 85\%$; в стрессе ухудшаются все категории качества) на горизонте $T = 2028$ г., взвешенная по вероятностям сценариев p_s , сравнивается с базовой:

$$B_T = \sum_s p_s \cdot R_{s,T}^{\text{prud}} - R_{\text{base},T}^{\text{prud}}, \quad b_T = \frac{B_T}{L_{\text{base},T}} \quad (5)$$

где B_T - сумма, которую по логике динамического резервирования следует накопить в спокойные годы на случай неблагоприятного исхода.

Сценарии (табл. 1) построены по принципу 4 Базельского комитета. Базовый опирается на прогнозы ЦБ (рост ВВП 5,5–6,5 % в 2026 г. и 6–7 % в 2027–2028 гг., инфляция 7 % на конец 2026 г. и 5 % в 2027 г.; ЦБ РУз, 2025b) и МВФ (6,8 % в 2026 г.; Gazeta.uz, 2026a); пессимистический - резкое замедление роста, ускорение инфляции и сжатие кредитования при κ на уровне 2023 г.; оптимистический - высокий рост и сближение определений до $\kappa = 1,15$. Начальная точка - 3,71 % на 01.06.2026 плюс половина годового изменения по (1) за остаток 2026 г.; кредиты на 01.01.2026 - 604 трлн сумов (Bankers.uz, 2026a).

Таблица 1

Допущения сценариев на 2026–2028 гг.

Допущение (2026 / 2027 / 2028)	Базовый	Пессимистический	Оптимистический
Рост реального ВВП, %	6,5 / 6,0 / 6,0	3,0 / 2,5 / 4,0	7,5 / 7,0 / 7,0
Инфляция на конец года, %	7,0 / 5,5 / 5,0	12,0 / 11,0 / 9,0	5,5 / 5,0 / 5,0
Рост кредитов, %	13 / 12 / 11	8 / 6 / 7	15 / 15 / 14
Коэффициент κ	1,70 / 1,50 / 1,30	1,86 / 1,86 / 1,86	1,50 / 1,30 / 1,15
Вероятность p_s	0,60	0,25	0,15

Источник: составлено автором на основе ЦБ РУз (2025b) и Gazeta.uz (2026a); параметры и вероятности - допущения автора. Во всех сценариях $c_{\text{npl}} = 47,3$ и 85 %, $c_3 = 50\%$.

Ретроспективная проверка при фактических входных данных (рост ВВП 6,5 и 7,7 %, инфляция 9,8 и 7,3 %, лаг роста кредитов 21 и 13 %; ЦБ РУз, б. д., 2025а, с. 13, 22; Bankers.uz, 2024; Gazeta.uz, 2026а) дала прогноз 4,10 % на 2024 г. при фактических 3,97 % (ошибка 3,3 %) и 3,575 % на 2025 г. при 2,99 % (19,6 %). Модель не улавливает разовую расчистку: проблемные кредиты «Ипотека-банка» сократились в 2025 г. на 2,3 трлн сумов (Bankers.uz, 2026а), или на 0,4 п.п. системного показателя; с поправкой $D_{2025} = -0,4$ п.п. ошибка равна 6,2 %, а MAPE - 4,7 % против 11,4 % без поправки. Проверка выполнена внутри выборки калибровки, поэтому модель служит инструментом сценарного анализа, а не точечного прогноза.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Таблица 2

Потребность в резервах и разрыв покрытия по сценариям, трлн сумов

Показатель (2026 / 2027 / 2028)	Базовый	Пессимистический	Оптимистический
Доля проблемных кредитов, %	3,69 / 3,71 / 3,65	4,34 / 5,39 / 5,77	3,50 / 3,32 / 3,14
Кредиты L	683 / 764 / 849	652 / 691 / 740	695 / 799 / 911
R^{prud} : специальные (47,3 %)	11,9 / 13,4 / 14,6	13,4 / 17,6 / 20,2	11,5 / 12,5 / 13,5
R^{prud} : совокупные (85 %)	21,4 / 24,1 / 26,3	24,0 / 31,6 / 36,3	20,6 / 22,5 / 24,3
Доля стадии 3 (κ_{npl}), %	6,26 / 5,56 / 4,75	8,06 / 10,02 / 10,72	5,25 / 4,31 / 3,61
R^{ifrs} ($c_3 = 50$ %)	21,4 / 21,3 / 20,1	26,3 / 34,6 / 39,7	18,2 / 17,2 / 16,4
G , узкий периметр	9,5 / 7,9 / 5,5	12,9 / 17,0 / 19,5	6,7 / 4,7 / 2,9
G , узкий периметр, % кредитов	1,39 / 1,03 / 0,65	1,98 / 2,46 / 2,63	0,97 / 0,59 / 0,32
G , смешанный периметр	0,0 / -2,8 / -6,2	2,3 / 3,0 / 3,4	-2,4 / -5,3 / -7,9

Источник: расчёт автора по формулам (1)–(3) и допущениям табл. 1. Узкий периметр - R^{ifrs} за вычетом специальных резервов, смешанный - за вычетом совокупных.

В базовом сценарии доля проблемных кредитов стабилизируется около 3,7 % (табл. 2). К 2028 г. потребность в специальных резервах достигает 14,6 трлн сумов, а по МСФО 9 благодаря снижению κ до 1,30 уменьшается до 20,1 трлн, и разрыв узкого периметра сокращается с 9,5 до 5,5 трлн сумов (с 1,39 до 0,65 % кредитов), оставаясь положительным; в смешанном периметре он с 2027 г. отрицателен. В пессимистическом сценарии доля проблемных кредитов достигает 5,77 %, потребность по МСФО 9 - 39,7 трлн сумов против 20,2 трлн специальных резервов, а разрыв - 19,5 трлн сумов (2,63 % кредитов). Разрыв процикличен: он сужается в спокойные годы вместе с κ и расширяется в стрессе, что согласуется со скачком ECL-резервов в начале спада (Abad & Suarez, 2018).

Таблица 3

Разрыв покрытия 2028 г. при альтернативных значениях κ

κ	Δc (базовый), п.п.	G (базовый), трлн (% L)	G (пессимист.), трлн (% L)
1,86 (уровень 2023 г.)	3,14	14,2 (1,67)	19,5 (2,63)
1,50	1,83	8,6 (1,01)	11,8 (1,60)
1,30 (траектория базового сценария)	1,10	5,5 (0,65)	7,5 (1,02)
1,15	0,55	3,2 (0,37)	4,4 (0,59)
1,00 (совпадение определений)	0,00	0,8 (0,10)	1,2 (0,16)
Мультипликатор (4) на 0,1 κ	-	1,55	2,13

Источник: расчёт автора; узкий периметр, $c_3 = 50\%$, портфель и доля проблемных кредитов - по табл. 2 (2028 г.); классификационный разрыв $\Delta c = (\kappa - 1) \cdot npl$.

Табл. 3 показывает роль κ как параметра политики. При κ на уровне 2023 г. разрыв 2028 г. в базовом сценарии составил бы 14,2 трлн сумов; траектория сближения до 1,30 сокращает его на 8,7 трлн, а классификационный разрыв - с 3,6 п.п. в 2023 г. до 1,10 п.п. Мультипликатор (4) равен 1,55 трлн сумов на 0,1 κ в базовом и 2,13 трлн в пессимистическом сценарии, то есть в стрессе сближение определений даёт больший эффект. Поскольку порог узкого периметра (0,95) ниже единицы, даже совпадение определений не закрывает разрыв полностью: остаток устраняется выравниванием покрытия - пруденциальным фильтром. При $\kappa = 1,50$ –2,20 и $c_3 = 40$ –60 % разрыв пессимистического сценария 2028 г. в узком периметре остаётся положительным (5,4–36,1 трлн сумов): влияние двух параметров сопоставимо, но регулятор управляет только κ .

В пессимистическом сценарии совокупные резервы должны вырасти на 8,7 трлн сумов в 2026 г. и на 7,6 трлн в 2027 г. - 90 и 78 % прибыли банков до налогообложения за 2024 г. (9,7 трлн сумов; ЦБ РУз, 2025а, с. 24). Вычет разрыва узкого периметра из капитала снизил бы его достаточность в 2028 г. на 2,7 п.п., до 14,3 % (от 17 % на 01.01.2025 при неизменных активах, взвешенных по риску, 715 трлн сумов = 769 трлн $\times$ 93 %; ЦБ РУз, 2025а, с. 23, 25, 27). С результатом стресс-теста ЦБ, уже учитывающим кредитные потери, эту величину складывать нельзя: она указывает скрытую в пруденциальной отчётности часть потерь и направление возможной недооценки.

Взвешенная по вероятностям потребность в совокупных резервах на 2028 г. составляет 28,5 трлн сумов против 26,3 трлн в базовом сценарии. Разность $B_t = 2,2$ трлн сумов, или 0,26 % базового портфеля, - контрциклический буфер, который целесообразно формировать в годы, близкие к базовому сценарию, когда годовой прирост резервов составляет 2,2–2,7 трлн сумов (23–28 % прибыли 2024 г.). При вероятности пессимистического сценария 0,15 и 0,35 буфер равен 0,14 и 0,37 %; в долях портфеля каждого сценария - 0,38 %, так как пессимистический портфель

меньше. Поэтому буфер предлагается как ориентир, пересматриваемый ЦБ ежегодно, а не как жёсткий норматив.

Модель пригодна для мониторинга: фактическая доля проблемных кредитов на 01.07.2026 (3,6 %; Kapital.uz, 2026) находится в коридоре между оптимистической и базовой траекториями, а повышение ЦБ в июле 2026 г. прогноза роста ВВП до 7,5–8 % при инфляции около 6,5 % (Gazeta.uz, 2026b) по (1) снижает расчётную долю на конец 2026 г. до 3,45–3,52 %. Ограничения: коэффициенты калиброваны, а не оценены; с₃ и вероятности сценариев - экспертные допущения; учитывается только кредитный риск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Разработан двухрежимный блок сценарной оценки потребности в резервах: уравнение доли проблемных кредитов, параллельный расчёт пруденциальной и бухгалтерской потребности, выражение разрыва покрытия через к с порогом и мультипликатором и контрциклический буфер.

2. Классификационный коэффициент работает как параметр политики: снижение к с 1,86 до 1,30 сокращает разрыв 2028 г. в базовом сценарии с 14,2 до 5,5 трлн сумов, каждые 0,1 к соответствуют 1,5–2,1 трлн сумов резервов; без сближения определений в пессимистическом сценарии разрыв достигает 19,5 трлн сумов (2,63 % кредитов). Контрциклический буфер резервов на 2026–2028 гг. - 0,26 % кредитного портфеля (2,2 трлн сумов; 0,14–0,37 % при иных вероятностях).

Предлагается: Центральному банку Республики Узбекистан - дополнить макростресс-тест двухрежимным модулем резервов; использовать к как количественный ориентир внедрения нового положения о классификации (1,50 к концу 2027 г., 1,30 к концу 2028 г.), введя квартальное представление банками долей стадий 1–3 и резервов ECL; ежегодно устанавливать ориентир контрциклического буфера резервов (на 2026–2028 гг. - 0,26 % кредитов), накапливаемого в спокойные годы и используемого в неблагоприятном сценарии. Коммерческим банкам - планировать бюджет резервов по базовому, а буфер - по пессимистическому сценарию при оценке достаточности внутреннего капитала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положение № 2696 «О порядке классификации качества активов и формирования резервов на покрытие возможных потерь по активам, а также их использования в коммерческих банках». (2015). Зарегистрировано Министерством юстиции Республики Узбекистан 14.07.2015 № 2696 (в ред. рег. № 2696-5 от 23.12.2025). <https://lex.uz/docs/2703056>

2. Положение № 3937 «О порядке классификации качества активов в банках, формирования и использования резервов на покрытие возможных потерь по активам». (2026). Утверждено постановлением Правления Центрального банка Республики Узбекистан от 14.08.2026 № 22/3, зарегистрировано Министерством юстиции 10.09.2026 № 3937; вступает в силу 01.01.2027. <https://lex.uz/ru/docs/8487957>

3. Центральный банк Республики Узбекистан. (б. д.). *Year-on-year, month-on-month and cumulative inflation* [Годовая, месячная и накопленная инфляция; набор

данных]. Извлечено 26 сентября 2026 г. с <https://cbu.uz/en/monetary-policy/annual-inflation/indicators/>

4. Центральный банк Республики Узбекистан. (2024, 27 мая). *Ўзбекистон Республикаси Марказий банкининг 2023 йилги ҳисоботи тўғрисидаги масала юзасидан Олий Мажлис Сенатининг Ялпи мажлисидаги маъруза матни* [Доклад на пленарном заседании Сената Олий Мажлиса об отчёте Центрального банка за 2023 год]. https://cbu.uz/oz/press_center/reports/1710736/

5. Центральный банк Республики Узбекистан. (2025a). *Молиявий барқарорлик шарҳи: 2024 йил* [Обзор финансовой стабильности за 2024 год]. https://cbu.uz/upload/medialibrary/e68/fjpndq11uyvnc2s4g17beagbnanioaz1/2024_yil-uchun-moliyaviy-barqarorlik-sharhi.pdf

6. Центральный банк Республики Узбекистан. (2025b). *Пул-кредит сиёсатининг 2026 йил ва 2027–2028 йиллар даврига мўлжалланган асосий йўналишлари (концептуал лойиҳа)* [Основные направления денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027–2028 годов: концептуальный проект]. https://cbu.uz/upload/medialibrary/d87/vqe8o0hayw3n944apzrsx3powsuyifhh/Asosiy_y_nalishlar_2026_2028_kontseptual_loyi_a.pdf

7. Abad, J., & Suarez, J. (2018). *The procyclicality of expected credit loss provisions* (CEPR Discussion Paper No. DP13135). Centre for Economic Policy Research.

8. Bankers.uz. (2024, 22 января). *2023 йилда муаммоли кредитлар 2,6 трлн сўмга кўнайган* [В 2023 г. проблемные кредиты выросли на 2,6 трлн сумов]. <https://bankers.uz/news/1356>

9. Bankers.uz. (2026a, 22 января). *2025 йилда банклардаги муаммоли кредитлар 3,1 трлн сўмга камайди - таҳлил* [В 2025 г. проблемные кредиты банков сократились на 3,1 трлн сумов: анализ]. <https://bankers.uz/news/3005>

10. Bankers.uz. (2026b, 26 июня). *Банкларнинг муаммоли кредитлари улуши 3,7 фоизгача кўтарилди* [Доля проблемных кредитов банков выросла до 3,7 %]. <https://bankers.uz/news/3304>

11. Basel Committee on Banking Supervision. (2018). *Stress testing principles*. Bank for International Settlements. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d450.pdf>

12. European Banking Authority. (2021). *IFRS 9 implementation by EU institutions: Monitoring report* (EBA/Rep/2021/35). https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/Publications/Reports/2021/1024609/IFRS9%20monitoring%20report.pdf

13. Foos, D., Norden, L., & Weber, M. (2010). Loan growth and riskiness of banks. *Journal of Banking & Finance*, 34(12), 2929–2940. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2010.06.007>

14. Gazeta.uz. (2026a, 17 апреля). *ХВЖ Ўзбекистон иқтисодиёти 2026 йилда 6,8 фоизга ўсишини прогноз қилмоқда* [МВФ прогнозирует рост экономики Узбекистана в 2026 г. на 6,8 %]. <https://www.gazeta.uz/uz/2026/04/17/gdp-growth-imf-forecast/>

15. Gazeta.uz. (2026b, 29 июля). *МВ ууқори ички талаб ва ташқи муҳитдаги ноаниқликлар тufayli асосий ставкани 14 foiz darajasida o'zgarishsiz qoldirdi* [ЦБ сохранил основную ставку на уровне 14 % из-за высокого внутреннего спроса и внешней неопределённости]. <https://www.gazeta.uz/oz/2026/07/29/rate/>

16. International Monetary Fund & World Bank. (2025). *Republic of Uzbekistan: Financial Sector Assessment Program - Detailed assessment of observance of the Basel Core Principles for Effective Banking Supervision*. World Bank. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099081925064533229/pdf/P506984-16bbc722-0060-46ac-a68c-75e2fe5ab247.pdf>
17. Jiménez, G., Ongena, S., Peydró, J.-L., & Saurina, J. (2017). Macroprudential policy, countercyclical bank capital buffers, and credit supply: Evidence from the Spanish dynamic provisioning experiments. *Journal of Political Economy*, 125(6), 2126–2177. <https://doi.org/10.1086/694289>
18. Kapital.uz. (2026, 27 июля). Доля проблемных кредитов в банках Узбекистана снизилась до 3,6 %. <https://kapital.uz/npl-za-iyul-2026/>
19. Klein, N. (2013). *Non-performing loans in CESEE: Determinants and impact on macroeconomic performance* (IMF Working Paper No. 13/72). International Monetary Fund.
20. Louzis, D. P., Vouldis, A. T., & Metaxas, V. L. (2012). Macroeconomic and bank-specific determinants of non-performing loans in Greece: A comparative study of mortgage, business and consumer loan portfolios. *Journal of Banking & Finance*, 36(4), 1012–1027. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2011.10.012>
21. Omonov, A. A., Izbosarov, B. B., & Ghani, E. K. (2026). Does liquidity risk impact asset quality and financial stability? Evidence from Uzbekistan commercial banks. *Journal of Risk and Financial Management*, 19(7), Article 510. <https://doi.org/10.3390/jrfm19070510>

Copyright: © 2026 by the authors. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-4.0 International License (CC - BY 4.0)

